

МУРЗИЛКА

№ 3

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

МАРТ
1952

1
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СР
№ 1. 8. 1952

1852

Государственная
 ордена Ленина
 библиотека СССР
 им. В. И. Ленина

1952

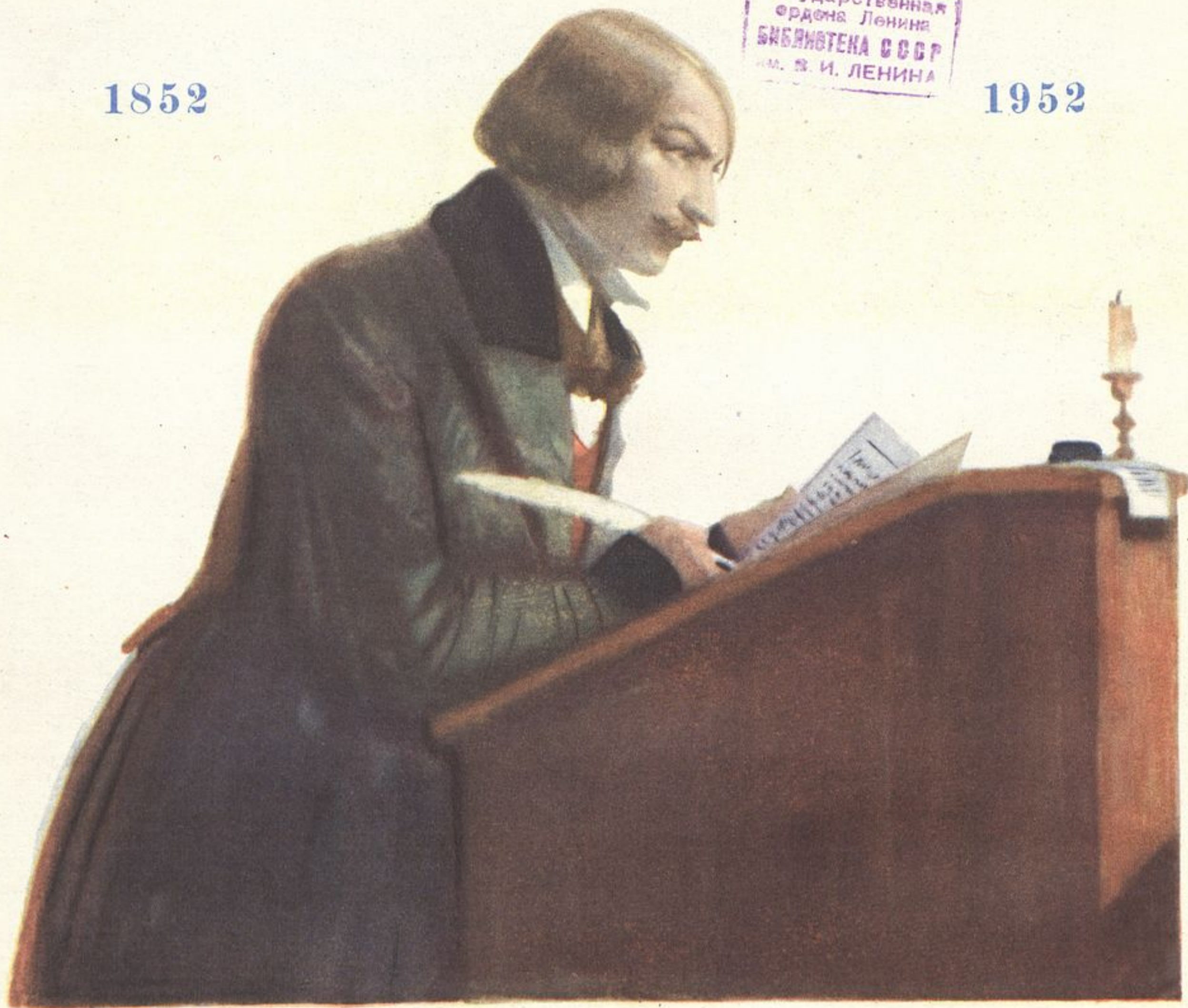

Рис. Ю. Коровина

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Сто лет тому назад — 4 марта 1852 года — умер Николай Васильевич Гоголь, великий русский писатель. Во всём мире люди отмечают эту дату. Память Гоголя, великого сына русского народа, чтит вся наша страна. Сегодня мы хотим рассказать тебе о его жизни и о его книгах.

Николай Васильевич Гоголь родился на Украине, в местечке Большие Сорочинцы,

в 1809 году. Никоше — так звали его дома — было девять лет, когда его отдали в школу.

Эта школа была не похожа на ту, в которой ты учишься.

В своих книгах Гоголь рассказал об учителях того времени, очень похожих на тех, у которых он учился сам.

Вот, например, учитель русского языка, Никифор Тимофеевич Деепричастие. Он сам признавался, что устаёт бить учеников

по рукам линейкой кленового дерева... Учиться в такой школе было трудно и неинтересно.

Но скоро Никоше повезло: отцу удалось устроить его в Нежинскую «гимназию высших наук».

В гимназии мальчик пристрастился к чтению. Гимназисты решили завести свою библиотеку. Книги они покупали на деньги, собранные вскладчину. А библиотекарем избрали Николая Гоголя, — его любовь к книгам была известна всем. Говорят, что прежде чем выдать книгу, он обёртывал читателю пальцы чистыми бумажками. Конечно, у такого библиотекаря книги не портились!

Когда Николай стал старше, он полюбил театр. Ученики сами стали устраивать спектакли, и ни один из них не обходился без участия Гоголя. Он рисовал декорации, он же был и одним из лучших актёров. Особенно удавались ему смешные роли стариков и... старух.

Часто можно было видеть гимназиста «паныча» Гоголя в хатах простых крестьян. Часами готов был слушать он чудесные народные песни. Любовь к ним он сохранил на всю жизнь.

Заканчивая гимназию, Николай Гоголь ещё не знал, кем он станет. Но он твёрдо знал одно: он должен стать полезным народу и своему отечеству.

Девятнадцатилетним юношей Гоголь приехал в Петербург. Он привёз с собой своё первое произведение.

Там произошло счастливейшее событие в жизни Гоголя — он познакомился с А. С. Пушкиным. Вели-

кий поэт сразу оценил громадный талант молодого писателя. Они стали друзьями на всю жизнь. Пушкин помогал Гоголю и советом и делом, печатал в своём журнале его произведения. Лучшие вещи Гоголя написаны по совету Пушкина.

Первая книга Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки» — написана от имени простого человека, «пасичника Рудого Панька». И о простых людях говорят чудесные рассказы-сказки, напечатанные в этой книге: о храбром кузнеце Вакуле, который сумел оседлать самого чорта,

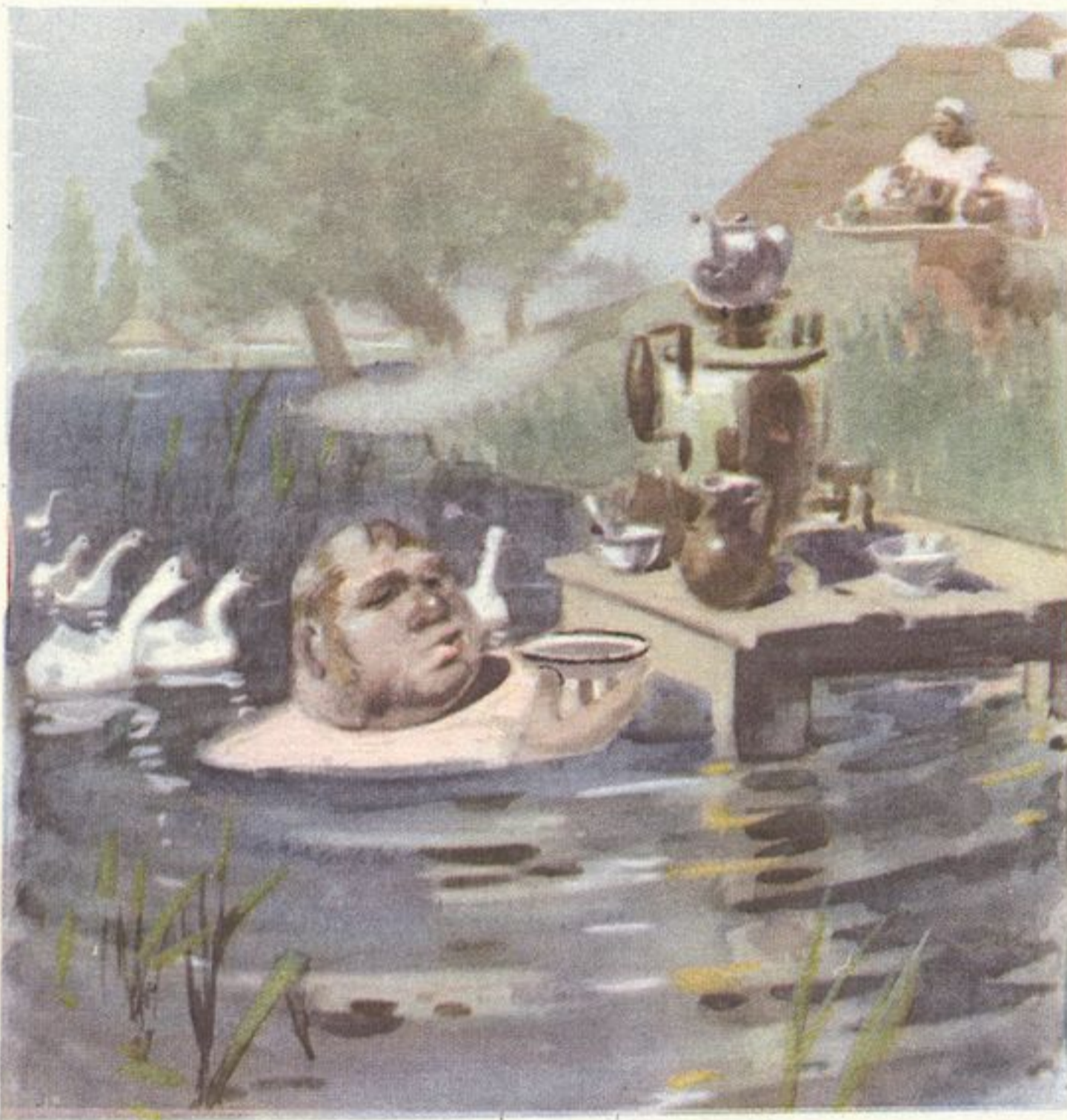
Тарас Бульба.

Рис. Е. Кибрика

чтобы раздобыть подарок своей невесте; о славном парубке Левко, что помог русалочке одолеть злую ведьму-мачеху; о казаке, что не побоялся поспорить со всеми чёрными силами.

Это очень весёлая, интересная книга.

Гоголь в письме к Пушкину рассказал, что когда он пришёл в типографию, где печаталась его книга, наборщики встретили его весёлым смехом, — так понравились им его смешные рассказы. «Из этого

Иван Никифорович пьёт чай. (Из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».)

Рис. А. Каневского

я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни (народа)», — писал Гоголь. И Пушкин и Гоголь считали, что такая похвала простых людей — самая высокая оценка писателю.

Николай Васильевич Гоголь стал великим народным писателем. Он оставил нам много книг. Когда ты станешь старше, ты прочтёшь и полюбишь их. Это чудесные книги. Они научат тебя ещё больше любить родную землю — её природу, её людей, её язык.

На всю жизнь запомнишь и полюбишь ты любимых героев Гоголя — простых и смелых, весёлых и мудрых людей из народа.

Сколько мужества и силы в чертах старого казака, отважного Тараса Бульбы! Свищут пули, звенят сабли — и, не зная страха, не зная устали, бьётся Тарас с врагами родной земли. А когда захватили его в плен враги — не о том, как самому спастись, думал он, а о своих товарищах, казаках. Он помог им спастись, и погиб сам лютой смертью.

Пусть же и в твоей памяти останутся навсегда слова старого Тараса:

«...Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...»

Крепко стояли доблестные казаки за родину, смело и бесстрашно сражались с врагами. С одной заветной думой шли в битву, в жаркую сечу: пусть же цветёт вечно Русская земля!

Но Гоголь рассказал нам и о других людях. Не любовь, не восхищение, — смех, презрение, негодование вызывают они.

Взгляните на этого толстого Ивана Никифоровича, распивающего чай, сидя по горло в воде. Правда, он и на человека не похож! Отчего же он стал таким? Оттого, что он никогда в жизни не работал. Не привыкли работать его руки, не привыкла работать его голова, похожая, как говорит Гоголь, на редьку хвостом вверх...

Подумать только! Человек никогда не работал!

Нам с тобой это очень странно, потому что мы живём в такое время, когда в нашей стране все трудятся. А Гоголь жил в другое время — в тяжёлое, страшное время. Тогда одни люди — крестьяне и рабочие — трудились, а плоды их труда

доставались другим — помещикам, купцам, чиновникам. Бездельники-помещики, вроде Ивана Никифоровича, жили припеваючи, жирели, а трудящиеся часто голодали. Правил страной царь — самый богатый помещик — и назначенные им чиновники, думавшие только о том, как бы потуже набить свой карман.

И вот Гоголь вступил с ними в борьбу. А боролся он с ними одним оружием — словом. В своих книгах он осмеял их всех: и помещиков, и чиновников, и торгашей. «Мёртвые души» — так называется книга, где изображены все эти пройдохи Чичиковы и обезумевшие от жадности Плюшкины, бездельники Маниловы и озверевшие хищники Собакевичи. Так смешно, так метко нарисовал их Гоголь, что над ними нельзя было не смеяться!

Смотрите, вот кто вами правит, вот какие отвратительные, ничтожные люди хозяйничают в стране! — говорили книги Гоголя тому, кто их читал. В нашей стране давно уже нет больше этих тунеядцев. Но в капиталистических странах, за границами нашей родины, и сейчас ещё хозяйничают и помещики, и капиталисты, и чиновники. По-другому одеты они, чем те, о которых рассказывал Гоголь, на других языках говорят, — но те же разбойничьи у них повадки. Так велик был талант Гоголя, что и сейчас его книги помогают

Хлестаков у Городничего. (Из пьесы «Ревизор».)

Рис. Ю. Коровина

распознавать, разоблачать всех этих врагов трудового народа, помогают бороться с ними и побеждать их.

Миллионами экземпляров печатаются книги Гоголя, не сходят со сцен театров его пьесы. Нет на всей земле места, где не читали бы Гоголя, где бы не чттили его память. Именем Николая Васильевича Гоголя, великого своего сына, по праву гордятся народы нашей страны.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Рис. Г. ПОЗИНА

ДВА ПОДАРКА

Когда Павлика спрашивали, сколько ему лет, он отвечал:

— Скоро будет шесть!

А на самом деле ему было всего пять с половиной.

Павлик хотел казаться совсем большим и самостоятельным человеком. Он бывал очень недоволен, когда старшая сестра Майя заходила за ним в детский сад.

— Я и сам найду дорогу... Ведь не маленький уже! — сердито говорил Павлик.

А сестра как будто нарочно при всех начинала поучать Павлика:

— Не торопись... Застегни как следует пальто. Да шарф завяжи получше. А то простудишься!

Но сегодня сестра сама поторапливала его:

— Скорей, скорей!

Павлик спешил, усиленно сопел носом и, как всегда в таких случаях, совал правый валенок в левую калошу.

— Опоздаем из-за тебя! — волновалась Майя.

Наконец они вышли из красивого особняка с массивными колоннами, в котором помещался детский сад, и побежали по улице. Мохнатые снежинки маленькими белыми парашютиками не спеша спускались на землю и кутали всё кругом в белоснежные пуховые одеяла.

В конце улицы, у широких витрин магазина, Майя и Павлик остановились.

— Сюда! — сказали оба сразу, и оба сразу взволнованно глотнули холодного воздуха.

В магазине было шумно и суетливо. У ребят разбежались глаза: чего тут только не было!

— Ну, что мы выберем? — деловито спросила Майя.

Павлик сразу метнулся к отделу игрушек:

— Давай грузовик!

Майя возмутилась:

— При чём тут грузовик? Разве завтра у тебя день рождения?

— У мамы, — сказал Павлик и надулся. Он был искренне убеждён, что зелёный грузовик — это самое лучшее, что есть в магазине.

Майя потащила братишку в другой отдел. Тут висели платья всех цветов и фасонов. Майя внимательно разглядывала платья, шепча себе под нос: «Цвет слишком яркий... Слишком широкие полосы... Горошины слишком крупные...»

рошее платье! Самое красивое! Вот это будет подарок!

— Что там у вас за секреты? — спросила мама, входя в комнату.

— Никаких нет секретов... Мы просто так... — смутилась Майя.

А папа, желая перевести разговор на другую тему, сказал:

— Сегодня в газете написано о вашей фабрике...

Но вот она остановилась и воскликнула:

— Ой, какое красивое! Самое лучшее! Ведь правда, Павлик?

Павлик солидно подтвердил:

— Да, ничего, красивое... — И ещё раз украдкой взглянул на зелёный грузовик.

Дома Майя и Павлик потащили папу в угол и, перебивая друг друга, зашептали:

— Мы выбрали! Мы выбрали такое хо-

Мама сразу оживилась:

— Ну да! У нас же работают новые машины. Теперь мы выпускаем продукцию только отличного качества! — Мама взволнованно поправила волосы, и глаза её радостно засветились. Она всегда становилась такой, когда речь заходила о её фабрике.

А Павлик не понял, что такое «продукция». Он хотел спросить у мамы. Но потом взглянул на сестру, смутился и не спросил.

* * *

А на другой день Майя и Павлик вместе с папой пошли покупать маме подарок. В магазине ребята сразу потащили папу в отдел, где продавались платья. Но по дороге Павлик успел всё-таки несколько раз взглянуть на огромный зелёный грузовик, попрежнему стоявший на широкой лакированной полке.

Перехватив один такой взгляд братишки, Майя вдруг встала на цыпочки и зашептала что-то папе, а тот утвердительно кивнул головой.

Тогда Павлик, точь-в-точь как мама вчера вечером, строго спросил:

— Что там у вас за секреты?

Но вместо ответа Майя громко воскликнула:

— Вот оно, наше платье! Ведь правда, красивое, папочка?

— А ты уверена, что оно действительно самое лучшее? — спросил папа. — Я ведь в этом не очень-то разбираюсь.

Продавщица участливо вмешалась в разговор.

— Вы, наверное, маме подарок покупаете?

— Да, — подтвердил Павлик.

— Возьмите это платье. Оно очень красивое.

Когда продавщица уже заворачивала платье в большой лист бумаги, Майя вдруг увидела, что к рукаву пришта какая-то беленькая бумажка с пломбой.

— Бумажку надо сорвать, — сказала Майя. — А то что это за подарок — с бумажкой?

— Не торопитесь, не торопитесь, — улыбаясь, сказала продавщица. — Может быть, платье будет мало или, напротив, велико. Тогда вы сможете зайти и обменять на другое. А если сорвете бумажку, тогда ничего не выйдет.

Уже у самых дверей магазина папа вдруг остановился и спросил:

— Павлик, а сколько тебе лет?

— Скоро будет шесть, — важно ответил Павлик.

— Ну, раз скоро будет — значит, и тебе можно купить подарок. Заранее, так сказать.

А на улице папа притворно-серьёзным голосом воскликнул:

— Да ведь Павлик нас обманул. Ему ведь всего пять с половиной!

Но все трое только рассмеялись. А Павлик крепче прижал к груди свой большой зелёный грузовик.

* * *

Мама всегда торопливо поднималась по лестнице, и Павлик безошибочно узнавал её шаги. Он и сейчас первый бросился открывать парадную дверь.

Как только мама вошла в коридор, дверь комнаты широко распахнулась, и навстречу маме торжественной походкой вышла Майя. Сзади шёл папа. И вид у него был чуть-чуть смущённый и растерянный. Майя несла в руках шёлковое платье.

— Дорогая мамочка, — сказала она, — мы все поздравляем тебя и преподносим наш скромный подарок.

Покончив с официальной частью своей речи, Майя затараторила:

— Это самое красивое платье во всём магазине. Мы с Павликом выбирали. Оно самое лучшее!

Мама взяла в руки платье и вдруг стала разглядывать белую бумажку на рукаве.

— Я говорила, что нужно оторвать бумажку... Я говорила... — зашептала Майя.

Но мамины глаза вдруг засветились ещё радостней.

— Спасибо, родные мои, — сказала мама. — Вы мне сделали сегодня целых два подарка.

— Где же два? — удивился Павлик.

— Именно два! Первый подарок — это чудесное платье, а второй — эта маленькая бумажка, на которой написано, что платье сшито на нашей фабрике.

А позже, когда сели за стол, мама сказала:

— Теперь вы видите, что наша продукция и в самом деле отличная!

Павлик вдруг поперхнулся.

— Что? Суп горячий? — спросила мама.

Павлик ничего не ответил. Но поперхнулся он не из-за супа, а оттого, что понял вдруг, что значит слово «продукция».

Это был светлый и радостный вечер. Пили чай с вареньем и пирожными. И Павлик даже не успел поиграть со своим новым зелёным грузовиком.

СЕРГЕЙ СМIRHOV

АЛЁША И МЫ

I

У нас в саду и во дворе
Просторно старым липам.
Они в холодном январе
Качаются со скрипом.

Метель врывается сюда,
Сугробы наметая;
На липах снег лежит тогда,
Как шкурки горностая.

Зажжётся зимняя заря,
В саду ещё безлюдье.
И вдруг

увидишь снегиря —
Красавца с красной грудью.

Щеглы посыплются с куста
И сядут у сугроба.

А тут как тут —
следы кота:
Смотрите, птицы, в оба!

Но кот скрывается скорей
За изгородью редкой,
Когда выходит из дверей
Алёша
с хитрой клеткой.

Он быстро вешает её
В саду, от снега белом.
С тревожным криком
вороньё
Следит за этим делом...

По веткам прыгает, звеня,
Доверчивая пташка.
А рядом
 клетка-западня
И — дверка нараспашку.

За дверкой — разная еда,
Одна другой вкуснее.
Синица сразу —
 прыг туда!
А дверка —
 хлоп за нею!

Отсюда не уйдёшь назад,
Не вырвешься из клетки.
...Прощай, свобода,
Старый сад,
Приют на каждой ветке!..

II

А у Алёши
 свой «приют» —
Пристройка у сарая.
Там птицы-пленницы снуют,
Объедки подбирая.

Они из банки воду пьют,
По-птичьи тараторя...
И если даже запоют,
То, вероятно, с горя.
Алёша явится сюда,
Присядет,
Прояснится,
То свистнет голосом дрозда,
То — прямо как синица,

Чирикнет так, что воробья
Выводит из терпенья.

... К нему
Пришли мы, как друзья, —
Послушать птичье пенье.

А тут
 сквозняк, полутемно.
Глядим — и грустно стало:
Синица клювом бьёт в окно,
Щегол стучит устало,

Щеглиха около щегла
Сидит, к стеклу прижалась,
Молчит снегирь в пыли угла
И вызывает жалость.

И мы
 решительно тогда
Сказали:
— Эх, Алёша,
Тебя бы посадить сюда,
Ведь тут — одно окошко!
Ведь ни одна из птиц твоих
От радости не пела.
Ты как в темнице держишь их.
А это, брат, не дело!

III

Не гром грохочет вдалеке, —
Вовсю идёт работа.
Ребята
 в красном уголке
Стучат и строят что-то.
Похоже, будто строят дом
И чертят на фанере.

Но почему же в доме том
Есть крыша —
 нету двери?
Есть пол — и ни одной стены.
Кому такой он нужен?!

Здесь птицы
 завтракать должны,
Сюда летать
На ужин!

Мы притащили в этот дом
Еды, какой достали.

В саду, от инея седом,
Стоит он над кустами.

Сюда щеглы
со всех сторон
Нагрянули сначала.
Потом от нескольких ворон
Весь домик закачало.

Снегирь наелся за двоих,
К нему подседа галка...
И в это время
Птиц своих
Алёше стало жалко.

— В саду
синицы, воробьи,
Весёлая кормёжка.
А рядом
пленницы мои
Сидят, стучат в окошко.
Тут неуютно и темно,
Блестит стена сырая...

Алёша
распахнул окно
В пристройке у сарая:
— Летите, птицы,
в новый дом,

Туда — под ветви сада! —
И сам себе
сказал о том,
Что птиц ловить не надо.
— Пускай

для всех

поют они.
Ты жизнь им не коверкай... —
И отломал
у западни
Пружину вместе с дверкой!

В саду, от инея седом,
Красиво и просторно.
Мы охраняем птичий дом,
Приносим хлеб и зёрна.
И птицы
с нас не сводят глаз
Под ясенем ветвистым
И каждый раз встречают нас
Художественным свистом.

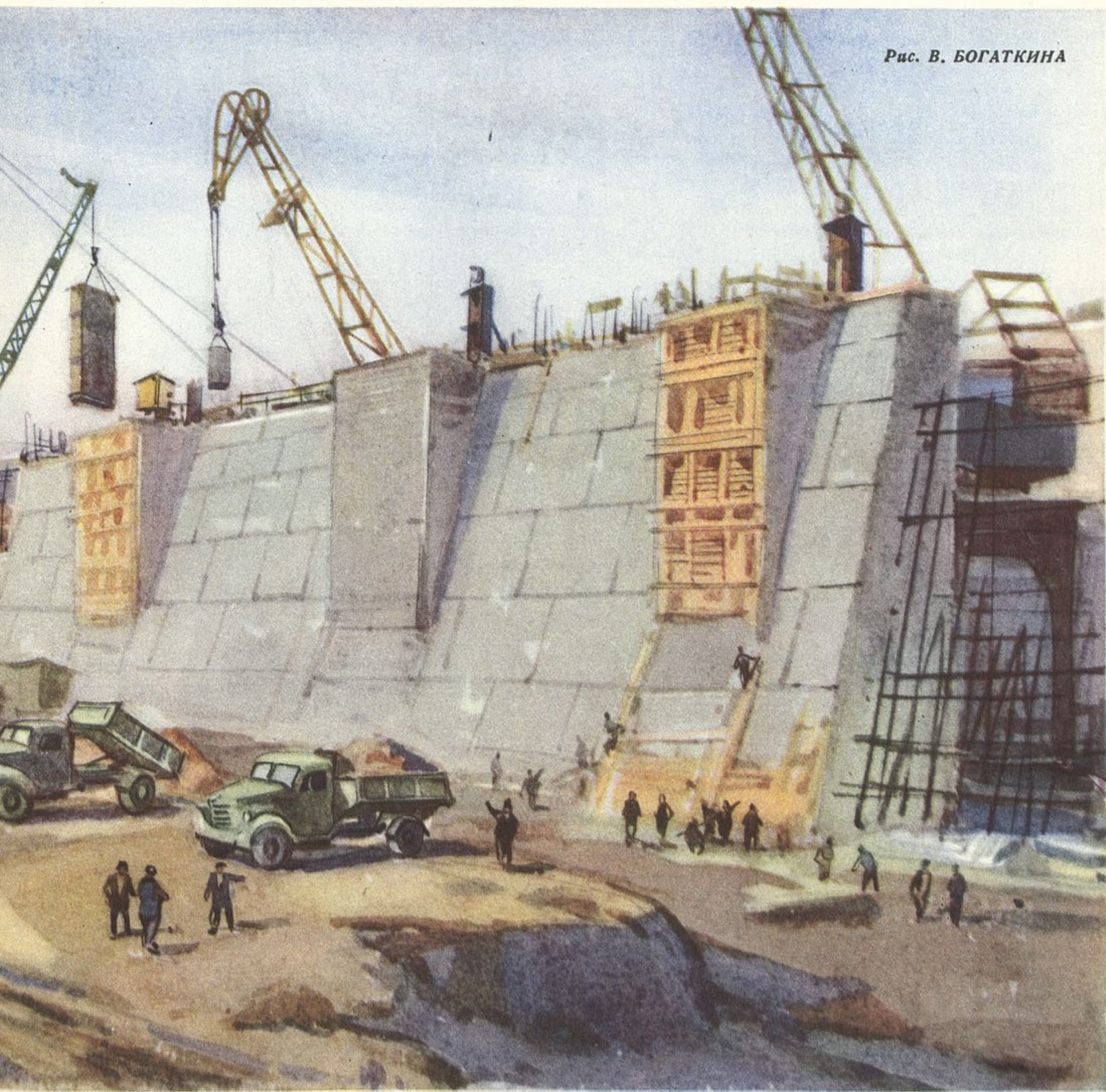

ЛЕСТНИЦА Д

Кто прежде бывал в Сталинграде, тот помнит: искупаешься в Волге, соберёшься домой, идёшь, идёшь по крутой лестнице, считаешь, считаешь ступеньки, да и собьёшься — высоко. Поднимешься, глянешь вниз — там, на Волге, корабли стоят у причала, выгружают разные грузы... А назад обернёшься — позади ровная степь. И бегут по степи до самого Дона к донским пристаням поезда с лесом и с хлебом, с нефтью и с солью. А навстречу с Дона

везут азовскую сталь, донецкий уголь, ростовские комбайны и воронежский лён. А что бы пустить пароход прямо с Волги в Дон! Да как егопустишь? Чудес не бывает: по степи пароход не пойдёт и по лестнице не взберётся.

Советский народ совершил это чудо: в степи прорыли канал от Сталинграда до самого Дона. И лестницу сделали для кораблей.

ЛЕСТНИЦА КОРАБЛЕЙ

Каждая ступенька корабельной лестницы — это огромный ящик, а с двух сторон у него ворота. Называют такие лестницы шлюзами. А ходят по ним корабли так: открывают ворота, корабль заходит туда прямо с реки. Тут ворота опять закрывают. Воду в шлюзе поднимают, а вместе с водой поднимается и корабль.

Здесь нарисована одна ступенька водяной лестницы — шлюз № 13 канала Волга—Дон.

Когда художник был там, шлюз строился. Сейчас шлюз готов. И высокие плотины и новые моря Волго-Донского канала — всё готово.

За короткий срок наш народ создал все эти огромные сооружения, потому что канал между Волгой и Доном прокладывали замечательные советские люди, потому что вся наша страна помогает воздвигать великие стройки коммунизма.

А. Некрасов

АННИТА

Отец маленькой Анниты работает грузчиком в городе Генуе, а сама Аннита живёт у бабушки в деревне Донадо. Однажды ночью бабушка разбудила её:

— Скорей, Аннита, вставай!

Аннита с трудом открыла глаза.

— Зачем, бабушка? Разве уже утро?

— Нет, нет, скорей вставай...

Бабушка помогла Анните одеться. Аннита вышла на крыльцо и — остановилась. При свете луны видно было, что кругом простирается вода. Все дворы, все улицы были залиты водой. Слышались крики, стоны, ревели ослы, вдали мелькали дымные огоньки факелов...

— Бабушка, что это?

— Горе нам, горе! — причитала бабушка. — Река По размывла старые дамбы и вышла из берегов... Всё затоплено...

Она стала трясущимися руками увязывать какие-то узлы. А вода всё прибывала. Вот уже поплыли коврики, игрушки, бабушкины старые туфли. Бабушка бросила узлы, взяла Анниту на руки и поднялась с ней на чердак. Через слуховое окно они выбрались на крышу.

— Помогите! — звала бабушка.

Никто не отзывался.

Наконец вдали показалась лодка. В ней было полно детей. На вёслах сидел кузнец Луиджи.

— Живы, синьора Кончетта? — крикнул он подплывая. — Отдайте мне вашу внучку! Сейчас мы детей собираем. А потом приедем за вами.

Анните не хотелось расставаться с бабушкой, но та сказала:

— Иди, иди, мне без тебя легче будет.

Сильные руки дядюшки Луиджи подхватили Анниту, посадили на корму, и лодка снова поплыла от дома к дому, от крыши к крыше...

Анниту отвезли в Геную, к папе. Он часто брал её с собой в порт. Там было много кораблей. Вот большой американский пароход «Клондайк». Он привёз солдат и оружие — пушки, танки, пулемёты. Грузчики отказались выгружать оружие. Тогда

американцы сами стали его выгружать. Аннита видела, как подъёмный кран переносил с американского парохода тяжёлый танк, похожий на чудовище из бабушкиных сказок.

А что с бабушкой? От неё пришло письмо. Она писала:

«Вода не убывает. Меня с крыши сняли. Но что толку, когда придётся умереть с голоду! Всё залито, всё затоплено...»

— Бедная бабушка! — вздыхал отец.

Но вот однажды он пришёл весёлый.

— Дочка, радуйся, к нам едут друзья.

— Какие друзья?

— Завтра всё увидишь.

Рано утром папа посадил Анниту к себе на плечо и пошёл в порт. Там уже собралось много народу. Все смотрели вдаль, туда, где из-за моря поднималось большое оранжевое солнце. Скоро на фоне солнца, словно пронизанный его лучами, показался пароход. Над ним трепетал красный флаг. На носу блестели буквы. Кто-то в толпе прочитал: «Тимирязев». Все замахали беретами, руками и закричали:

— Вива, вива Сталин!

И Аннита тоже кричала: «Вива!» — и колотила ногами по папиной груди.

А через несколько минут отец Анниты вместе с другими уже поднимался на борт «Тимирязева». Все окружили советских моряков и стали их обнимать, целовать, пожимать им руки... Все благодарили Советский Союз и товарища Сталина. Потом отец Анниты опустил дочку на палубу и вместе с другими взялся за разгрузку.

Сколько всякого добра привезли русские! Сначала выгрузили много новеньких тракторов с прицепными плугами. Потом стали выгружать тяжёлые толстые мешки с сахаром. Потом пошли пузатые белые, словно напудренные, кули с пшеничной мукой. Потом стали выгружать ящики с какими-то круглыми банками...

Капитан взял одну банку, проткнул в ней дырочку и протянул Анните. Девочка попробовала белую, липкую, густую жидкость и зажмурилась от удовольствия.

— Что это? — спросила она.

— Это сгущённое молоко, — сказал капитан, который, видно, немного знал по-итальянски. — Что, вкусно?

— Очень! — Аннита снова зажмурилась, облизала палец, вздохнула и сказала: — Пожалуйста, пошлите это в Донадо... моей бабушке... Её зовут Кончетта... Ей там нечего есть...

— Не надо, маленькая! — сказал капи-

тан. — Твоя бабушка получит вдоволь еды. Видишь? — И он показал на огромные груды мешков и ящиков.

Разгрузка шла быстро. Грузчики бегом уносили с «Тимирязева» пузатые мешки с мукой и сахаром. А рядом, у соседнего причала с парохода «Клондаик» американские солдаты сгружали пушки, пулемёты и тяжёлые, похожие на злые чудовища танки.

НА ОЗЕРЕ ИМАНДРА

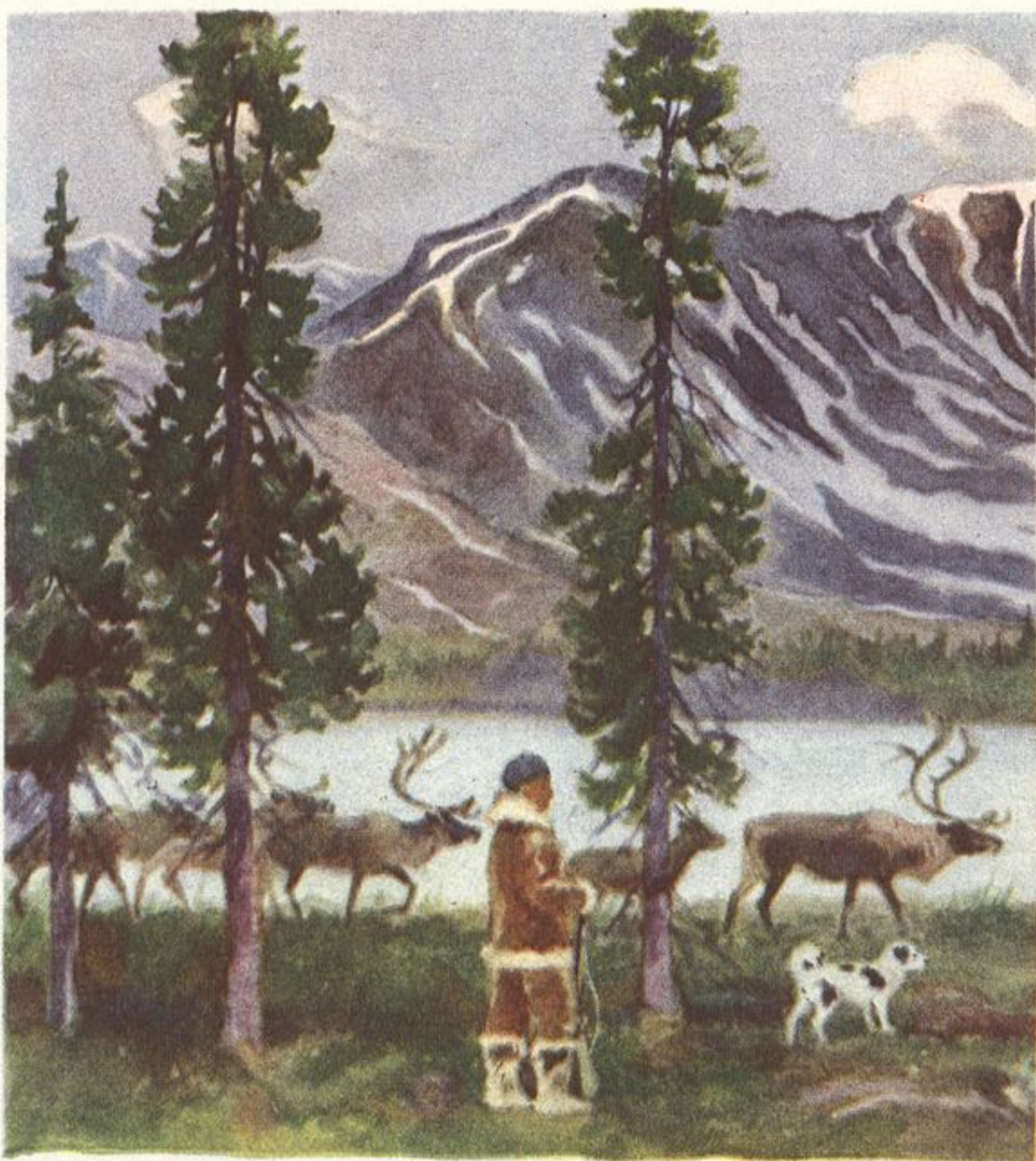
Далеко на севере нашей страны есть большое озеро Имандра. Почти всюду с одного его берега не видно другого — такое оно широкое. В бурную погоду ветер поднимает на Имандре высокую, как в море, волну.

Лето на севере короткое, но светлое. В летний день солнце целые сутки не уходит с неба. Оно спускается всё ниже, ниже, вот оно плывёт совсем низко над озером и уже снова начинает подниматься. Летом на севере и ночью светло, как днём.

А зима здесь длинная и тёмная. В середине зимы на берегах Имандры солнца совсем не увидишь, днём надо зажигать огонь — так темно. И так промерзает за холодную зиму земля, что летом оттаивает только верхний её слой.

Берега озера Имандра поросли хвойными лесами. За озером, к северу, лежит безлесная тундра со скалистыми горами, покрытая мхом, багульником и ягелем. Трудно жили в таком краю люди — без дорог, без почты, без школ. Они пробовали сеять рожь и ячмень, но на вечномёрзлой земле хлеб не родился.

Люди севера всегда разводили оленей.

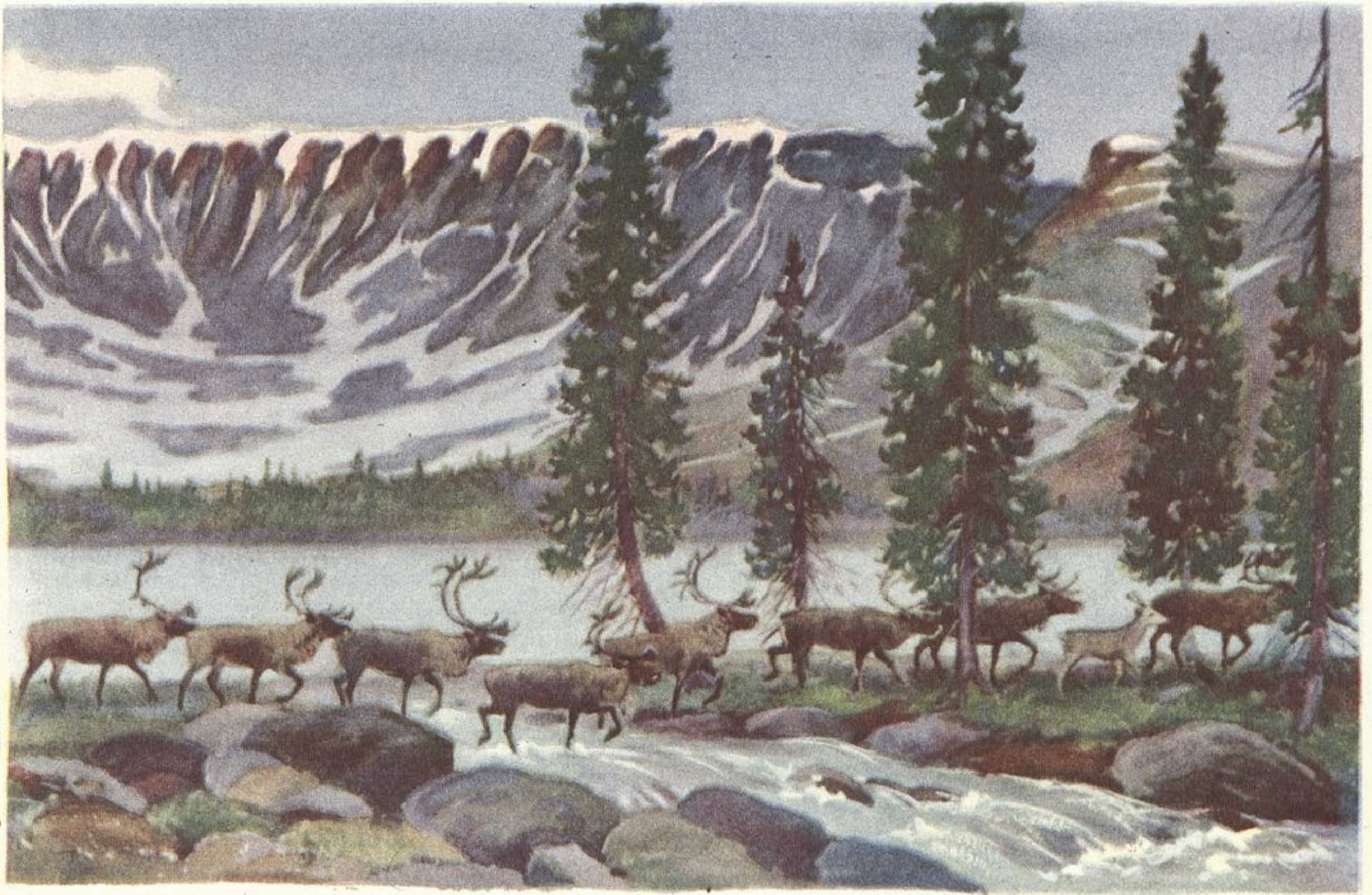
«Олень обувает нас, одевает и кормит», — говорили они. Олень был их домашним животным. На оленях ездят по тундре зимой и летом. Пятерка оленей, запряжённая в лёгкие сани — нарты, быстро и легко несёт человека. В руках он держит длинный шест — хорей. Им он управляет запряжкой.

Из оленьего меха шьют удобную и теплую обувь и оленьи малицы — шубы.

Оленьими стадами владели раньше богатые люди, бедняки только пасли оленей и жили впроголодь.

Советские люди принесли в холодную болотистую страну новую жизнь.

По берегам Имандры сейчас пасутся огромные стада оленей. Летом они уходят в горы, где ветер отгоняет от них мошку и комаров. На горах растёт белый ягель, которым кормятся олени. Зимой они разрывают снег копытом и добывают себе корм из-под снега. Неприхотливое, выносливое и красивое животное — олень.

Близко от Имандры есть большое оленеводческое хозяйство. Но теперь вместе с оленями здесь разводят хороший молочный скот.

За озером Имандра виден горный хребет замечательной красоты. Бурные речки текут с каменистых его круч, склоны

гор покрыты хвойными лесами и ягелем. Это — Хибинские горы.

В Хибинны приехали наши советские учёные. После долгих, трудных переходов в горах они нашли апатит. Это особенный камень: из него делают удобрения для наших полей. Но мало найти полезную людям руду — надо суметь взять её из земли. В этом учёным помог Сергей Миронович Киров. Он создал точный план постройки дорог, города, электростанций, рудников, сумел показать людям, как расцветёт в будущем этот край.

Новая жизнь началась в стране. На севере стали строиться города.

Пятнадцать лет тому назад на берегу Имандры построили один из самых северных городов Советского Союза — Мончегорск.

Город вырос в сосновом лесу, у подножья высоких гор. В этом очень красивом городе построены сейчас большие дома. В нём есть и школы, и телефонная станция, и большая библиотека, и больница, и клубы, и кинотеатры. В городе построены и дома для детей, приезжающих из окрестных селений.

Дети здесь не только учатся, но и жи-

вут; лишь на каникулы они уезжают домой.

Они едут по электрическим железным дорогам, которые пересекают теперь весь край вокруг Имандры. Электричество здесь идёт не из города, а в город. Большие электростанции построены на сильных стремительных реках, вытекающих из озера.

Уже двадцать лет наши учёные — последователи Мичурина — выращивают около Имандры овощи и работают над

морозоустойчивыми сортами ржи и ячменя. Близко от города Мончегорска есть совхоз «Индустрия», где разводят молочный скот. Совхоз славится своим огородным хозяйством. Лук, салат, редиска, морковь, капуста — всё успевает вырасти здесь за короткое, но светлое лето.

В лесах вокруг Имандры охотники добывают много пушнины и дичи. Там водятся куницы, медведи, лисы, дикие олени и лоси.

Птицы на Имандре великое множество. Здесь гнездятся дикие утки и гуси. По

берегам в лесах водятся рябчики, тетерева, куропатки.

Очень много в Имандре и её притоках рыбы. Сиги, окуни, гольцы, щука, кумжа водятся в озере.

В больших карбасах — лодках с крутыми бортами — выезжают рыбаки-колхозники на лов рыбы.

* * *

Так настойчивые и смелые советские люди побеждают суровую природу севера.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

КАПИТАН

Сказать про Костика, что у него не было силы воли, нельзя. Была у него сила воли, и он этим гордился. Только была она у него не совсем развитая.

Он мог просидеть и два и три часа над самой трудной задачей. Но как только под окном возникал грохот консервной банки и крики ребят «пасс» и «аут», у Костика в голове сразу поднимался туман.

Сила воли таяла, и Костик принимал решение: отложить задачу и пойти проветриться минут на пять, поиграть в хоккей.

Как только в руках у Костика появлялась клюшка, на дворовом катке сразу начиналась игра по-настоящему. Никто больше не лупил по банке как попало, прекращались крики и споры.

Ребята признавали Костю капитаном вовсе не потому, что он был родным братом Сергея Чулкова, знаменитого хоккеиста, капитана заводской команды.

— Дайте нашему Костику настоящие

коньки с ботинками, настоящую клюшку да запишите его в настоящую команду, так он, может быть, не хуже брата будет играть... — заявляли ребята.

Но пока ничего «настоящего» не было. Были только настоящие огорчения: верёвки на валенках лопались в самый неподходящий момент и коньки слетали с ног; клюшки ломались,

а состязания кончались сердитым окриком брата:

— Костик! Марш домой!..

Чем выше поднимался Костик по лестнице, громыхая коньками, тем ниже падало у него настроение. Вместо пяти минут он «проветривался» три часа и так «отдохнул», что ноги еле двигались, дышалось тяжело, в голове гудело, хотелось лечь...

Но Костик знал: пока все уроки не будут сделаны, лечь нельзя. И он принимался высчитывать, сколько стоит сукно, стулья и ручки с перьями. С арифметикой-то дело проще обстоит. Ведь в арифметике так: не выяснил, сколько стоит, — значит, не решил. Всё ясно. А вот с географией или с русским устным намного хуже: кажется тебе, что всё выучил, а спросит в классе учитель — и получается полный конфуз... И в таблице потом появляются такие мелкие цифры, что порой из четырёх отметок еле-еле при сложении двенадцать получается...

* * *

Знаменитый брат Костика, — а он был не только знаменитым спортсменом, но и знатным токарем-скоростником, — удивительно быстро умел разбираться в самых сложных делах младшего брата.

— Где же твоя хваленая сила воли, товарищ брат? — спрашивал он, просматривая таблицу. — Мама работает, я работаю... А ты гоняешь по двору баночку до потери сознания...

— Как будто ты сам её не гонял... — пробует оправдаться Костик.

— Гонял... гонял... — соглашается стар-

ший. — Но теперь-то я старше стал, понимаю, что к чему. Могу поделиться опытом: я из-за этой баночки два года в пятом классе просидел... Ясно? Вот чем это кончается, если меры не знать. А у тебя, по всем показателям, тоже к тому дело идёт...

Костик понимал, что старший брат прав. Он и сам об этом думал. Сколько раз он сам себе давал слово не брать клюшку в руки!

— Ладно, — говорит, наконец, Костик. — Не буду больше играть.

— Это тоже неверно, — возражает старший. — Можно играть, но, повторяю, в меру.

— А как её узнаешь, меру эту? — вздыхает Костик. — Забудешься, играешь да играешь... Потом посмотришь — уже темнеет...

Однажды Костик принёс такую отметку по географии, что долго не решался показать табель ни матери, ни брату. Но сколько ни тни, а показывать надо. На этот раз спокойный Сергей очень рассердился.

— Вот что... Ты знаешь, что такое дисквалификация? — спросил он сердито.

— Не знаю! — буркнул Костик.

— Есть такое спортивное правило: провинившемуся спортсмену запрещают на определённый срок принимать участие в играх и состязаниях. Вот и я запрещаю тебе играть до тех пор, пока я не увижу в этой книжечке, — Сергей показал на табель, — что ты стал самостоятельным человеком. Ясно?

Костик ничего не ответил.

— Я бы мог выбросить на помойку все твои клюшки и коньки... Но я в последний раз хочу проверить: есть у тебя хоть капелька сознательности?

Сергей встал на стул, заколотил в стену гвоздь и повесил на него Костины коньки и проволочную клюшку...

На другой день, после обеда, Костя сразу же сел к столу и принялся за уроки. Когда под окном раздался знакомый грохот банки, он лукаво подмигнул клюшке и конькам на стене и деловито принялся «покупать» сукно, стулья и ручки с перьями. Покончив с уроками, убрал в комнате. (Это входило в его обязанности, но никогда раньше им не выполнялось.) Потом оделся и вышел во двор.

— Костя! Где ты пропадаешь? — закричали ребята.

— Это не я, а вы пропадаете, — спокойно ответил Костик и вышел за ворота.

От удивления ребята пооткрывали рты. Даже консервная банка из-под зелёного горошка, казалось, застыла в изумлении.

Было бы неправдой сказать, что Косте не хотелось играть: его тянуло на каток. Но сила воли позволила ему только по-

смотреть на ребят через щёлку в заборе. За этим занятием и застал его брат.

— Болеешь? — спросил он.

Костик отскочил от забора.

— Посмотрел только...

— А почему же через забор? Пойдём поближе и посмотрим, какие там у вас игроки, — предложил Сергей.

Сначала никто из хоккеистов не замечал, что за ними наблюдает сам Сергей Чулков. Они с воплями носились за банкой и не столько играли, сколько мешали друг другу. Но вдруг кто-то заметил Сергея. Новость мигом облетела всё поле, и игроки сразу стушевались. Но смущение длилось недолго. Через минуту всех точно магнитом подтащило к братьям.

— Что, орлы, наигрались? — громко спросил Сергей.

— Наигрались... — недружно ответили ребята.

— Ой, не верится что-то! Ведь вы играли всего-то часа три...

Ребята поняли шутку и рассмеялись.

— А играете вы неплохо, — похвалил Сергей. — Немного позаниматься с вами, и хоть куда команда! Я, например, с удовольствием согласился бы стать вашим тренером.

Ребята стояли и моргали глазами, как будто не понимая, что говорит знатный токарь-хоккеист. А Сергей продолжал:

— Почему бы, например, не организовать настоящую дворовую команду? Чтобы в ней всё было по правилам. И капитан и всё прочее. Такие команды есть.

Тут ребят словно прорвало: вопросы и предложения посыпались, как горох из мешка.

— А капитаном будет Ко-

стик, — предложил кто-то. — Он у нас лучший игрок.

У Костика дыхание перехватило. Сейчас брат скажет ребятам о его дисквалификации. Но Чулков-старший посмотрел на младшего и спокойно сказал:

— Что же, не возражаю. Только тренировки начнём не сразу. Я тут посмотрю в одну книжечку и дам капитану знак. Тогда и начнём. Но предупреждаю: дисциплина должна быть железная, а на тренировки все должны являться с табелями... Ясно? Всё остальное вам объяснит капитан...

Сергей вытолкнул Костю в середину круга, а сам ушёл. Новоиспечённый капитан обвёл взглядом команду и повторил последние слова брата:

— ...с табелями... Ясно?

И чуть было не рассмеялся: у многих ребят, особенно у самых заядлых игроков, на лицах было написано, что им всё ясно.

— Я думаю, что раньше как через месяц ничего не выйдёт, — сказал капитан.

— Да, раньше не успеем, — согласились многие.

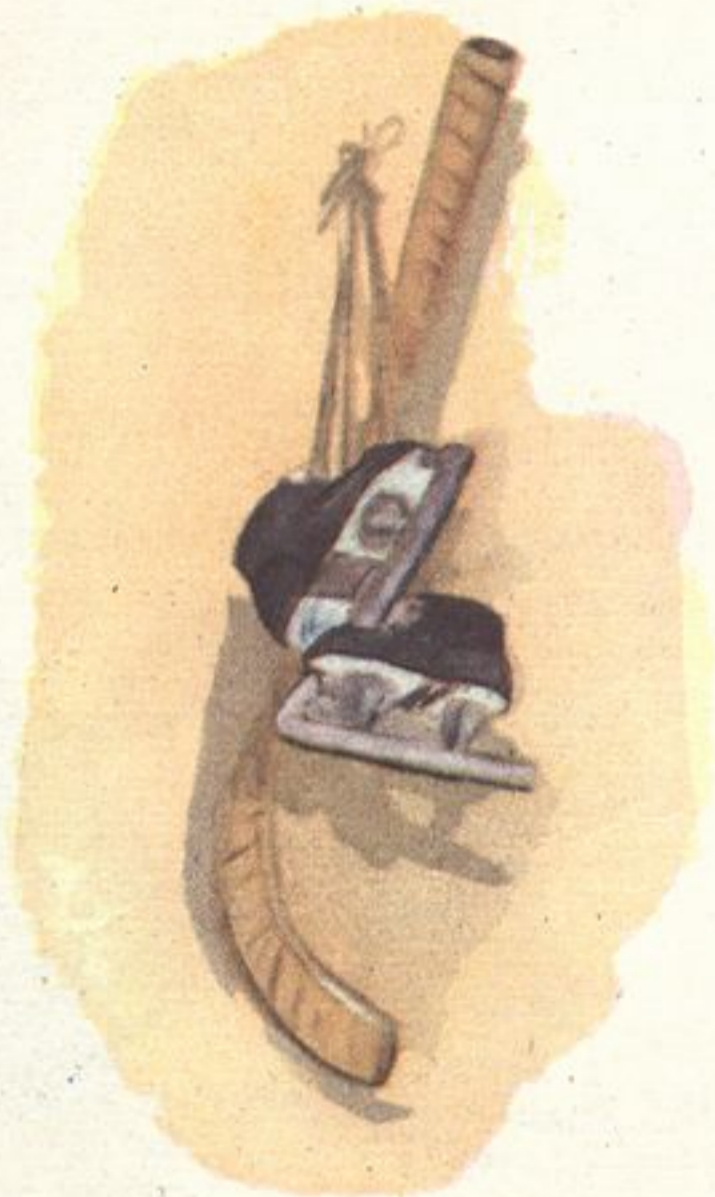
А один из самых азартных честно сознался:

— Боюсь, что мне этот сезон придётся быть только запасным...

* * *

Капитан рассчитал точно. Ровно через месяц, придя из школы, он увидел на гвозде новенькие коньки с ботинками и настоящую клюшку. А на столе лежала желанная резиновая шайба.

Но Костик не кинулся опрометью к ребятам. Сила воли теперь не покинула его. Он осторожно отодвинул шайбу и разложил на столе учебники и тетради.

ПОЧЕМУ ЦАПЛЯ СТОИТ НА ОДНОЙ НОГЕ?

Сшила цапля башмаки,
Не малы, не велики.

Не искала цапля броду.
Чапу-лапу — прямо в воду.
— Полюбуйтесь, кулики,
На подмётки, каблуки!

А пока она хвалилась,
Обувь с ног её свалилась.
Утонул один башмак,
А другой в воде размяк.

Цапля ногу поднимает —
Ничего не понимает.
И весь день среди раки
На одной ноге стоит.

БЫЧОК И ЁЖИК

Встретил ёжика бычок
И лизнул его в бочок.
И, лизнув его, бычок
Уколол свой язычок.

А колючий ёж смеётся:
— В рот не суй что попадётся!

Перевел С. МАРШАК

На обложке рисунок В. Щеглова—„Поздравляем маму“.

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Н. Попов

Рукописи не возвращаются

Технич. редактор З. Тышневич

Год издания двадцать восьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушэвская ул., 21.
2 уч.-изд. л.

Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
Бумага 60×92¹/₂=1,5 бум. л.=3 печ. л.

A00672

Подписано к печати 5/II 1952 г.
Тираж 250 000 экз. Заказ 99